

Амрита Альгома

Простая история

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
А56

Альгома А.

Простая история / Альгома А. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 490 с.

ISBN 978-5-532-93051-3

В мире Джефа существует только ответственность. Там нет радости или веселья, нет спокойствия и любви — есть только Долг. Но ему встречается Николь, которой угрожает смерть. И никакой выполненный долг не может ее спасти. Лишь любовь и доверие. Нужно только поверить...

ISBN 978-5-532-93051-3

© Альгома А., текст, 2003
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть Первая	5
Экспозиция	8
1	8
2	18
3	23
4	32
Реприза	56
1	56
2	78
3	100
4	121
5	139
6	154
7	173
8	191
9	205
10	217
11	235
12	252
Мотив и взаимодействия	268
13	268
14	286
15	300
16	316
17	325
18	348

19	365
20	376
21	390
22	407
23	413
24	424
25	436
26	450
27	465
28	474

Часть Первая

Том 1. Allegro

Моему любимому – Идеальному Мужчине
посвящается

Амрита

Я хочу выразить благодарность:

Моей семье за поддержку и терпение во время написания этой книги.

М-ль Инфанте – за её поэтичность и безмерную помощь во время работы.

Антонио Санти – за его духовное присутствие.

Александрю Васильеву – за его практическое руководство и эффективные пояснения.

Отцу Владимиру Сек за его оптимизм и советы, которые помогли мне в этот трудный период.

Отцу Максиму Попову – за простые объяснения и духовное руководство.

Сестре Софии Сметанко за её чудесные лекции на курсах по катехизации.

Моим соседям – за стойкость.

Пролог

Офицер Патрик О'Нил закинул ноги на край стола и выудил из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист заявления. Что-то тут не давало ему покоя. Смутное, неуловимое чувство. Болото. Казалось бы, чего нужно? Есть заявление о совершении развратных действий. Правда, не от самой пострадавшей. И даже не от свидетельницы, но всё равно. Да стопроцентное дело! Но что-то тут его не устраивало. Когда к тебе приходит человек и предоставляет сведения о другом человеке просто так, сразу возникает вопрос: чего этот человек ищет. Какова причина подобного "альтруизма"?

Дама, которая принесла заявление в полицию, если честно, ему не понравилась. Вертлявая какая-то, и смотрела на него, как на ста-

жера. В её взгляде читалось высокомерное презрение и к нему, и к столу, за которым он сидит: она все время брезгливо отодвигалась от его края, и вообще ко всему участку, как будто тут просто не могут работать нормальные люди. Она словно сомневалась в том, что он, в своей великой глупости, вообще в состоянии понять её, и в том, что он действительно полицейский, хотя он сидел при ней в форме, и кроме него там было ещё, по меньшей мере, пять полицейских.

Она так замучила его своим многословием, что он просто предложил ей написать заявление, лишь бы она замолчала. Пока она писала, она не прерывала своих высказываний и очень ядовито описала полицейскую базу данных и его стиль работы. Потом добавила, что "неорганизованная индифферентность" полиции очень напоминает "равнодушные плеоназмы" католиков.

Решение пришло само: он выставил её, забрав из пальцев заявление и проводив до входной двери – так хотелось удостовериться, что она действительно ушла. Возвращаясь на своё место, он с досадой обнаружил, что эта скандальная женщина отняла у него больше часа. Он сложил заявление и сунул его в карман: пусть сначала докажет, что она его писала. Но вместо того, чтобы отправиться домой он поехал посмотреть, кто там проживает по указанному в заявлении адресу.

Дом он вспомнил мгновенно. Именно сюда он доставлял осенью ту пьяную девчонку. Девчонка была никакая и вовсе не потому, что пьяная. Просто у неё явно ещё не очень-то сформировалось мировоззрение. Она одинаково хорошо относилась ко всем категориям населения и ещё неизвестно, какой она станет в будущем. Он тогда привез её домой и дверь открыл мужчина в халате, высоченный, светловолосый. Не скажешь, что отец, но мог быть и отчим.

Он не кинулся на неё с руганью, хотя взбесился, это было видно. Правда, О'Нилу показалось, что он скорее расстроился, чем разозлился.

Сейчас, стоя и названивая у входа, О'Нил нетерпеливо вглядывался в прозрачные витражи, окаймляющие дверь.

– Вы кого ищете? – Окликнули его с улицы.

Вскоре он сидел в гостиной маленького дома напротив, и миссис Гаррис рассказывала ему, что хозяева не уехали, что дом хотели продать, но вскоре табличку сняли, что новые хозяева не въехали и дом, похоже, пустует уже два с половиной месяца. Правда, приходит прежняя женщина убирать и часто приезжает мистер Коган. Перед рождеством он вместе с Джефом занимался погрузкой рояля и ящиков с вещами, но их было не так уж много: видно все остальные вещи остались в доме.

Она не знает, съезжают её прежние соседи или нет, потому что она не знакома с приходящей помощницей по хозяйству. Было бы очень печально потерять таких соседей: они никогда не писали никаких жалоб на неё и не предъявляли претензий, если дети помнут зеленую изгородь или испортят газон, когда играют с друзьями. А однажды Джеф подарил её детям собаку: принёс своего щенка присмотреть за ним на время, а когда увидел, как дети играют с ним вместе, не стал забирать – так и подарил, Джефа она знает с детства и может точно сказать: никогда у него никаких трений с полицией не было.

С ними просто хорошо общаться: и с мистером Коганом, и с Джефом, и с Николь. Всё как-то нарушилось, когда заболела Николь. Собственно, всё у них и поехало куда-то. Впрочем, если он хочет, она может дать ему телефон мистера Когана.

Мистера Когана О'Нил не нашёл: ответил автоответчик. Пришлось отложить это на завтра. А потом ему навесили пару дел, связанных со страховками: возле аэропорта произошла авария. Он и забыл бы о той неприятной женщине, если бы при рассмотрении этих дел не наткнулся снова на фамилию Коган. Пришлось копать. Информация вдруг начала валиться просто валом и вскоре у него было уже всё: и имена всех участников этой истории, и адреса, и обстоятельства дела. И чем больше было фактов, тем больше не хотелось давать делу ход.

Он поискал данные на заявительницу и развеселился. Эмма Крюгер. Какой букет! Шантаж? Кража? Моральная распущенность? Развод на этой почве, и она надеется на то, что может выступить от имени оскорблённой общественности? Забавно.

Экспозиция

1

"Ночь" опять выдалась напряжённая: он все время убегал потом кого-то догонял. Безрезультатные погони, выстрелы, поиск врага, грязь, смерть, кровь вызывали головную боль. Опять приснилась какая-то чушь. Когда это кончится? Всегда, если он спал дома, сон не приносил отдыха. Может так и должно быть, если спишь днём? Хотя, если после дневного дежурства в "башне", он сюда притаскивался полусонный и спал здесь ночью, было то же самое.

Когда это кончится?

Даже в детстве ему не грезились столь захватывающие кошмары, от которых не остается определенных воспоминаний, а только ощущение заброшенности и тоски. Когда это кончится, чёрт побери, когда это кончится?

Отвратительно, когда тебя бросают. Сначала он, наивный, думал: Эмма поступила так сгоряча. Нагуляется, одумается и вернётся. Тогда он с ней разберётся. Прошло больше полугода, пока проявлялось недоумение: почему ушла? Зачем месяцами врал, прежде чем уйти? Потом и вопросы отпали.

Осталось ощущение ущербности: раз ушла, значит, не нужен. Какая разница, почему. Видимо, он сам виноват. Наверное, что-то в нём не так. А может быть – в ней. Неважно. Её он понять не мог, просто принял её решение как факт того, что такую женщину понять мужчина не в состоянии. В его власти только реагировать на её поступки. В то время Джеф женщин просто видеть не мог. Сначала они вызывали в нём бессильный гнев, с течением времени – досаду. И только через два года он осознал, что приобрел новый комплекс.

Женщины были желанны, и это желание близости вызывало глухое раздражение.

Он в то время пробовал периодически пользоваться опытом, накопленным веками человеческого порока, но через некоторое время вынужден был признаться себе, что это самый лёгкий путь к превращению в настоящего женоненавистника.

Получать оплаченное удовлетворение, оставляющее внутри опустошительную досаду, было нетрудно, но его уважение к женщине, как к матери, стремительно падало, что порождало внутренний конфликт между детской памятью и взрослым опытом.

Это Джефу уже совсем не нравилось. Он уже не вспоминал Эмму, ни с болью, ни с озлоблением не вспоминал. Почти сразу где-то в глубине души, выросла уверенность, что он прекрасно проживет и сам, без неё, и вообще без всех. Женщин. Но, видя женщин, он приходил в трудноподаваемое бешенство. Его просто выводила из себя их красота и откровенность, их оголённость в стриптизе, их призывные улыбки, их вторжения в его личную территорию.

Джеф начал прятаться от мира. Перестал появляться со Стивом в стриптиз-баре. Забросил летние пляжи. Стив, смеясь, говорил друзьям: "Отстаньте, у нашего Медведя спячка!" Джефа это не задевало. Он пытался отвлечься самообразованием.

Имея аналитический ум, Джеф решил для себя, что он сам себе хороший пациент. Он отстранённо, холодный, наблюдал за своим поведением почти недоумённо. Пытался просчитывать свои реакции и, угадывая их, усаживался на верхней ступеньке складной лестницы, листая большие фолианты по психологии.

Он перечитал всю родительскую "коллекцию психов", как он её называл, и решил, что все психиатры – сдвинутые люди. Да просто невозможно, выучив всё это, остаться нормальным! Но Фрейд и Ницше помогли ему лучше понять самого себя. С удивлением он открыл, что всё его раздражение, весь его гнев направлены только на него самого.

Джеф понял, что начал себя ненавидеть. Он решительно, как решительно начинал любое дело, убеждённый в правильности своего поступка, фактически переселился жить в аэропорт. Там была Жизнь. Люди суетились, торопились, радовались, плакали и, наблюдая за ними, можно было не думать о себе. Он мог днями напролёт

сидеть где-нибудь в укромном уголке и рассматривать сцены чужой жизни, словно мыльную оперу. Ему не нужно было переодеваться, мыться, бриться. Люди не замечали его. Кто видит грязного бомжа? Когда он предлагал им свою помощь, они принимали её, с полубрезгливой улыбкой окидывая взглядами двухдневную щетину на его лице.

Тогда он впервые подумал, что мыльная опера – хорошая штука. Отвлекает от грустных мыслей. Занимает ум чепухой, которая тебе в жизни не понадобится. Идеальная система манипулирования. Оставалось только восхищаться тонкой предприимчивости разума.

Какое-то уважение к людям в нём сохранилось: перед дежурством он старательно приводил себя в порядок. Для этого приходилось отпрашиваться домой. Обратно, в свой особняк. С его мраморным полом в гостиной, колоннами у входа, с этими скрипучими ступенями лестницы на второй этаж и нахально разросшимися, одичавшими розами в саду, которые он сам сажал. Для Эммы.

В этом доме он был счастлив дважды: в детстве и сразу после женитьбы, пока не начал подмечать ложь. Одно время он серьёзно обдумывал самоубийство. Но так и не решился осуществить. Пожалуй, даже не потому, что стало страшно. Скорее это была дань уважения родителям или с детства усвоенное убежденное понимание глупости подобного поступка. А может просто от презрения к любого рода слабости и бегству.

Вообще-то, он немалого достиг в свои годы: хорошо оплачиваемая работа, свой дом, старые друзья, он успел жениться и успел развестись. Наверное, это тоже достижение? Тогда почему по прошествии восьми лет одинокой жизни и пяти лет после официального развода иногда так паршиво на душе?

Нет, всё-таки три часа сна после дежурства – это мало. Джефф резко сел на постели, подобрал одеяло с пола. От быстрого движения в череп ударила волна боли.

Точно – не выспался. Оглядел, морщась, собственную спальню. Эта комната ему всегда неуволимо нравилась. С того момента, когда отец впервые распахнул перед ним эту дверь и сказал: "твоя персональная обитель, мой мальчик". Эта комната примирила его с этим